

Дробышева Т. В.

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ГРУППАХ РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ¹

FACTORS AND MECHANISMS OF ECONOMIC SOCIALIZATION OF THE
PERSONALITY IN THE GROUPS OF WORKING AND RETIRED PENSIONERS

Дробышева Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН; tdrobysheva@mail.ru
Drobysheva Tatiana Valeryevna, PHD, senior research officer, laboratory of social and economic psychology, Federal State-financed Establishment of Sciences, Institute of Psychology RAS, Moscow; tdrobysheva@mail.ru

Аннотация: Рассмотрена проблема детерминации экономической социализации личности на примере изучения социальных представлений о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров. Выявлены различия в содержании ядра представлений. Показана связь центральных элементов представлений с ценностными ориентациями и оценками макроэкономических факторов. Описан ценностный механизм конструирования социальных представлений о бедности. Экономическая социализация личности в двух группах пенсионеров зависит от уровня их трудовой активности.

Annotation: In the work is considered the problem of determination of the economic socialization of the personality by the example of the study of social representations (SPs) of poverty in the groups of working and retired pensioners. Differences in the detecting core elements of representations have been studied. Analysis has revealed the relationship between core elements of SRs and value orientations, assessment of macroeconomic factors. Was described evaluative mechanism of construction of social representations of poverty. Results of the research demonstrate that economic socialization of the personality in two groups of pensioners varies depending on the level of their labor activity.

Ключевые слова: экономическая социализация личности, посттрудовая социализация, социальные представления, бедность, пенсионеры, ценностные ориентации.

Keywords: economic socialization of the personality, social representations, value orientations, pensioners, poverty, socialization after the completion of labor activity.

¹ Государственное задание ФАНО РФ 0159-2015-0001

К изучению экономической социализации личности¹ исследователи чаще всего обращаются в кризисные и посткризисные периоды, когда наблюдается спад в экономическом развитии общества, происходит «привыкание», адаптация населения к изменяющимся условиям. Именно в эти периоды актуальным становится изучение процессов не только первичной экономической социализации (традиционно работы выполняются на детях, подростках, учащейся молодежи), но и ресоциализации (работающие взрослые, пенсионеры). Так, можно привести пример 1990-х годов, когда кардинальные изменения в экономическом сознании и поведении людей коснулись разных слоев населения, разных возрастных и социальных групп (А.Л. Журавлев, Н.А. Журавлева, В.П. Позняков, В.А. Хашченко, Е.В. Шорохова и др.) [15, 17, 19 и др.]. В связи с этим в исследованиях экономической социализации личности (ЭСЛ) отдельными авторами стал использоваться термин «формирующаяся личность», указывающий не на возраст, а на актуальное состояние этой личности в новых условиях ее становления как субъекта экономических отношений [4, 6, 7 и др.].

Рассматривая ЭСЛ на этапе ее вторичной социализации, следует отметить, что в качестве «внешних» факторов здесь могут выступать изменения условий жизнедеятельности личности как на *макросоциальном* (пример социально-экономических преобразований 1990-х годов), так и на *микросоциальном* уровне (к примеру, окончание трудовой деятельности, изменение семейного статуса и т. п.). Безусловно, показатели ЭСЛ в условиях макро — и микросоциальной динамики [10, 24] будут отличаться, в первую очередь, по глубине, устойчивости, направленности, скорости возникновения психологических эффектов. Социально-экономические изменения в обществе [3, 15, 18] не только обуславливают динамику познавательного и поведенческого компонентов ЭСЛ (представлений, отношений, установок, интенций, стилей экономического поведения и т. п., но и проявляются на уровне ценностно-мотивационных компонентов [4, 8 и др.]. Изменение образа жизни человека в связи с завершением трудовой деятельности психологически начинает им переживаться еще до наступления самого периода. Подготавливаясь к этим переменам, он ищет способы совладания с ситуацией, старается продлить переход из одного состояния в другое [14, 20]. Так, в экономическом поведении психологическая готовность к такому переходу проявляется в приори-

¹ Под экономической социализацией личности понимается процесс и результат включения индивида в систему экономических отношений общества, в котором он живет, так как, усваивая экономический опыт общества, социальные и экономические ценности, нормы, модели поведения и активно преобразуя их, он становится субъектом экономических отношений данного общества.

тетях сберегательного и инвестиционного поведения по сравнению с долговым.

Окончание трудовой деятельности приводит к изменению социального и экономического статусов человека, соответствующих им ролей, вследствие чего может способствовать снижению уровня его экономической самооценки, удовлетворенности уровнем материального благосостояния, субъективного благополучия в целом и т. п. По мнению специалистов, основными деформирующими факторами на этапе посттрудовой социализации являются депривация, отчуждение пожилых людей, негативная стереотипизация образа пожилых в профессионально-деловой сфере и т. п. (Л.И. Анциферова, А.В. Дмитриев, Т.З. Козлова, А.В. Писарев, Т.В. Семенова, И.М. Щербачев и др.). По данным исследования Т.В. Семёновой, отношение к пожилому человеку, выполняющему такие роли как «коллега по работе», «руководитель», «подчиненный» в группе респондентов от 16 до 55 лет преимущественно отрицательное [16]. Пожилой возраст работника, особенно если это руководитель, считается неблагоприятным фактором, тормозящим развитие организации [там же].

Конечно, после завершения трудовой деятельности изменения затрагивают жизненно важные показатели пенсионеров, среди которых на первом месте — материальное положение, медицинское обслуживание, уровень социокультурных связей. Активные же способы посттрудовой социализации, с позиции исследователей, тесно связаны с трудовой и социальной активностью пенсионеров в допенсионный период жизни [23]. Иными словами, *предпосылкой экономической посттрудовой социализации личности может выступать ее экономическая активность* как социально-психологическое свойство, проявляемое ею на предыдущем этапе социализации, т. е. в период трудовой деятельности.

Начиная с 1990-х годов и до настоящего времени частое чередование тенденций роста и снижения в развитии экономики, привело к тому, что ожидаемого кардинального улучшения материального положения пожилых людей так и не наступило. Как отмечают экономисты, в таких условиях продолжить работу после выхода на пенсию для многих пенсионеров не вопрос желания, а жизненная необходимость [2 и др.]. В данном контексте экономическая активность человека после завершения им трудовой деятельности во многом носит вынужденный характер. Возникает вопрос, влияет ли в таком случае продолжение трудовой деятельности на экономическое сознание и поведение личности? И если да, то каковы механизмы экономической социализации человека после офици-

ального завершения им трудовой деятельности или в ситуации ее продолжения независимо от наступления пенсионного возраста? Какую роль здесь играет удовлетворенность пенсионера уровнем своего материального и финансового благосостояния? и др.

Безусловно, завершение трудовой деятельности не означает того, что человек перестает быть субъектом экономических отношений (потребления, производства, распределения, обмена). Однако проявление им *активности* (социальной, трудовой, экономической, политической, гражданской и т. п.) как *субъектного свойства* на новом этапе экономической социализации, будет отличаться от предыдущего [21 и др.]. Данная ситуация связана с изменением образа жизни человека после выхода на пенсию, следствием чего является изменение системы взаимодействия с окружающими, отношения к себе и другим. В контексте экономической социализации личности можно предположить, что изменяется экономическая идентичность личности, ее представления и отношение к таким явлениям как бедность, богатство, экономическое неравенство, справедливость относительно распределения материальных благ и т. п. Проблема изучения ЭСЛ пенсионного возраста связана с выявлением не столько состояния, сколько изменения элементов экономического сознания и экономического поведения пожилых людей в зависимости от разделяемых ими настроений в обществе, оценок экономических преобразований в макросоциальной среде или представлений о своем экономическом статусе, о самом себе как субъекте экономических отношений, экономического поведения и т. п.

Предположили, что в обыденном сознании людей пенсионного возраста содержание экономических представлений может отличаться в зависимости от того, продолжают они работать или нет. Активная трудовая деятельность позволяет личности поддерживать свой экономический статус, стимулирует соответствующие способы совладания с изменениями образа жизни, в первую очередь, на когнитивном уровне, т. е. на уровне представлений, мнений, суждений, оценок, понятий [14, 20]. Сформированная к этому периоду жизни система ценностных ориентаций личности, ее удовлетворенность уровнем материального благосостояния, экономическая самооценка и т. п. выступают в качестве «внутренних» факторов представлений об экономических явлениях и объектах. Все вышеизложенное послужило основанием для формулирования *цели исследования* — выявления различий в представлениях о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров, а также внешних и внутренних факторов, обуславливающих эти различия.

В данной работе мы опирались на следующие теоретико-методологические подходы. Для анализа изучаемых представлений (познавательный компонент ЭСЛ) использовалась концепция социальных представлений С. Московичи, в частности структурный подход развиваемый Ж.-К. Абриком, П. Вержесом, Т.П. Емельяновой, Е. Пашенко — де Превиль и др. (подробнее см. [5, 12 и др.]). В качестве теоретико-методологического подхода к исследованию факторов экономической социализации личности применяли методологию комплексного подхода Б.Г. Ананьева [11] и концепцию системной детерминации психики и поведения Б.Ф. Ломова [9]. Также опирались на теоретический подход к пониманию человека как субъекта [1], развиваемый в настоящее время в работах А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко [21, 22] и др. С позиции ценностного подхода к изучению экономической социализации личности анализировался ценностный механизм конструирования представлений о бедности [4].

Программа исследования

В исследовании принимали участие пенсионеры в возрасте от 57 до 75 лет (средний возраст 65 лет), разделенные по критерию «работающие /неработающие» на две группы. Общее количество респондентов — 86 чел., из них: 84% — женщины, 16% — мужчины. Первая группа (условное название «*работающие пенсионеры*») включала 44 чел., преимущественно женщин, занятых в сфере образования и медицины, а также в сфере услуг или коммерции. Третья часть респондентов из этой группы состояла в браке, две трети были разведены или овдовели. Чуть больше половины из них проживали совместно с супругом (супругой) или с родственниками, остальные — самостоятельно, в отдельной квартире. Уровень персонального дохода (сюда включали пенсию, пособия, помощь близких и т.п.) работающих пенсионеров средний и выше среднего. В группу «*неработающие пенсионеры*» вошло 42 чел., также преимущественно женщины, 42% из них состояли в браке. В данной группе был ниже процент людей, проживающих самостоятельно в отдельной квартире. Уровень месячного дохода пенсионеров данной группы был ниже среднего (из расчета, что средний уровень — это 35 тыс. руб. на чел. в месяц). В этой группе 4.8% респондентов имели доход ниже прожиточного минимума (т.е. меньше 10 тыс. руб. в месяц).

Основными способами исследования выступили: метод анализа содержания и структуры социальных представлений (СП) о бедности в группах пожилых людей (авт. Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева), построенный по типу 5-балльных шкал Р. Лайкерта; методика

ценностных ориентаций Е.Б. Фанталовой; методика «Макроэкономические факторы тревоги» Т.В. Дробышевой; анкета, выявляющая социально-демографические характеристики респондентов, уровень материального благополучия и удовлетворенности им. Структура и содержание СП о бедности выявлялись с помощью специально разработанной методики. Респондентам предлагалось выразить степень согласия/несогласия (по 5-балльной шкале) с 22 утверждениями, которые были выделены на пилотажном этапе исследования, в процессе группового интервью с пожилыми людьми, посещающими клуб «Здоровье»¹. Для выявления структуры СП был использован коэффициент позитивных ответов, предложенный Ж.-К. Абриком. Процедура оценки и обработки данных подробно изложена Т.П. Емельяновой [5 и др.]. На основе полученных результатов выявлялось содержание СП о бедности (элементы, составляющие ядро и периферию). Согласно подходу Ж.-К. Абрика структура СП включает два основных компонента — центральный (ядро) и периферический. Ядро — более устойчивая часть представления, связанная с коллективной памятью, ценностями и нормами группы. Периферия представления отличается неустойчивостью и конкретизирует значение ядра. По сути это связующее звено между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует представление [3, 8 и др.].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Различия в представлениях о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров.

Анализ СП о бедности в двух изучавшихся группах показал следующее (см. таб. 1).

Из таблицы 1 видно, что ядро СП о бедности в сознании респондентов-представителей двух групп включает одинаковое количество элементов — девять суждений. Однако содержание ядра СП работающих и неработающих пенсионеров отличается. Так, в группе *неработающих бедность* — это (в порядке снижения значения коэффициента): «...невозможность купить, заплатить за все, что нужно», «...дискомфорт», «...отсутствие денег», «...невозможность вести здоровый образ жизни», «...отсутствие собственной жилплощади, квартиры», «...не порок», «...страх перед

¹ Программа исследования была разработана в рамках изучения социальных представлений о бедности (грант РГНФ № 13-06-00063) совместно с Т.П. Емельяновой и использована в данном исследовании автором статьи.

будущим», «...невозможность комфортно жить в обществе, нехватка общения». Респонденты также считают, что *«если человек ленивый, то он неизбежно придет к бедности».* Иными словами, в сознании неработающих пожилых людей, большинство среди которых — одинокие женщины с низким и ниже среднего уровнем материального достатка, бедность понимается не как состояние, граничащее с физическим выживанием (абсолютная бедность), а как ограниченная возможность удовлетворения потребностей личности в поддержании здорового образа жизни, в общении (показатели относительной бедности). Основным показателем бедности они считают недостаток денежных средств, который приводит к ограниченному удовлетворению материальных потребностей, отсутствию жилплощади, что создает психологический дискомфорт и порождает страх перед будущим. Психологической природой бедности, в понимании данных респондентов, является такое качество личности как «лень», которое приводит человека к статусу бедного.

Таблица 1. Различия в содержании центральных элементов СП о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров пожилого возраста (коэфф. Ж.-К. Абрика)

<p>Элементы СП о бедности</p> <p>(1)</p>	<p>Коэффициент позитивных ответов в группе неработающих пенсионеров</p> <p>(2)</p>	<p>Коэффициент позитивных ответов в группе работающих пенсионеров</p> <p>(3)</p>
1. Бедность — это не порок	53,4	68,1
2. Если человек ленивый, то он неизбежно придет к бедности	52,4	54,6
3. Бедность — это отсутствие денег, финансов	64,3	59,1
4. Бедность — это страх перед будущим	52,4	59,1
5. Бедность — это унижение	45,2	52,3
6. Бедность — это когда появляется много испытаний, которые нужно терпеть и преодолевать	40,4	54,5
7. Бедность — это положение, в которое попадает человек из-за неблагоприятной ситуации	47,6	52,3

(1)	(2)	(3)
8. Бедность — это невозможность купить, заплатить за все, что нужно	73,8	63,7
9. Бедность — это дискомфорт	66,7	59,1
10. Бедность — это невозможность комфортно жить в обществе, нехватка общения	50	38,6
11. Бедность — это отсутствие возможности вести здоровый образ жизни	57,2	43,2
12. Бедность — это отсутствие собственной жилплощади, квартиры	54,8	43,2

• Жирным выделены элементы ядра СП (% позитивных ответов от 50 и выше)

Аналогичные СП о бедности в обыденном сознании *работающих пенсионеров* (см. табл. 1) содержат элементы, совпадающие с содержанием ядра в группе неработающих. А именно: «бедность — это не порок; ...это невозможность купить, заплатить за все, что нужно; ...это дискомфорт; ...это отсутствие денег», а «если человек ленивый, то он неизбежно придет к бедности». Можно только предположить, что суждения, общие для респондентов из двух групп, указывают на их обусловленность фактором возраста и социальной ролью пенсионера. Наряду с вышеупомянутыми суждениями, в группе работающих респондентов ядерный компонент СП о бедности включает и элементы, содержательно наполняющие «бедность» иным смыслом. Для данной группы людей бедность не только — страх, это еще и *унижение*. В их понимании бедность — это *положение, в которое попадает человек из-за неблагоприятной ситуации*. Включение в ядро представлений работающих взрослых данного суждения позволяет нам понять предпочитаемый способ атрибуции бедности в сознании респондентов. Восприятие ими бедности как испытания, которое нужно терпеть и преодолевать, косвенно указывает и на мотивацию работающих пенсионеров продолжать трудовую деятельность в преклонном возрасте.

По всей видимости, на предыдущем этапе экономической социализации личности респондентов в условиях финансовых и экономических кризисов, кардинальных преобразований в стране и т. п., которые пришлось на период их активной трудовой деятельности, в процессе общественного дискурса сформировались центральные (наиболее устойчивые) элементы СП о бедности как экономиче-

ческого явления (недостаточно денег, ограничены возможности удовлетворения материальных потребностей), которое порождает психологический дискомфорт и чувство страха относительно будущего. Представители данного поколения, принимавшие участие в исследовании, уверены в том, что «бедность — это не порок», и что это удел ленивых людей. Здесь прослеживается культурное единство респондентов, обусловленное влиянием на их сознание той идеологической парадигмы, которая доминировала в нашем обществе советского периода. Однако различия в их актуальной ситуации развития, определяемой нами как «внешний фактор» ЭСЛ, определяют ту групповую спецификацию изучаемых представлений, которая связана с продолжением трудовой деятельности частью респондентов. Так, *работающие* пожилые люди фиксируют внимание на *ситуационной атрибуции бедности*, считая бедность унижением для человека, которое он должен терпеть и преодолевать. *Неработающие* респонденты в большей степени фиксированы на *последствиях бедности* — нет квартиры, дискомфорт, нет возможности вести здоровый образ жизни.

Поскольку в данной работе наиболее интересны результаты исследования центральной части СП о бедности (ядро СП), то из-за ограничения объема публикации, анализ периферийной части СП респондентов описываться не будет.

Макроэкономические факторы социальных представлений о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров

Анализ связей элементов ядра СП о бедности и оценок макроэкономических факторов опирался на критерий Спирмена (при $p < 0.05$). В группе *неработающих пенсионеров* выявили связь между суждениями о бедности и оценками макроэкономических факторов. Результаты показали, что такой ядерный элемент представлений, как «бедность — это невозможность купить, заплатить за все, что нужно», связан с субъективной значимостью следующих экономических явлений в сознании респондентов: «сокращение товарооборота со странами Ближнего и Дальнего зарубежья» ($r=0.39$; $p=0.011$), «сокращение рабочих мест в отрасли, в которой вы работаете» ($r=0.37$; $p=0.015$), «процентные ставки на кредиты в банках в ближайшее время могут подняться» ($r=0.32$; $p=0.037$), «Фондовая биржа становится неустойчивой» ($r=0.43$; $p=0.004$), «цены на нефть на мировом рынке резко упали» ($r=0.37$; $p=0.015$), «цены на товары и услуги общественного потребления могут подняться»

ся» ($r=0.49$; $p=0.001$). Выявленная связь указывает, что источником конструирования выделенного выше ядерного суждения о бедности в общественном дискурсе является информация об изменениях в тех явлениях экономической жизни страны, которые связаны с ценообразованием. Среди других элементов ядра обнаружена связь между суждением «бедность — не порок» и оценкой значимости экономических явлений в стране: «Россия вступила в ВТО» ($r=0.44$; $p=0.003$), «сокращение товарооборота со странами Ближнего и Дальнего зарубежья» ($r=0.35$; $p=0.022$). Интересно, что источниками конструирования данного представления стала информация о внешнеэкономических событиях в стране. Также выявили связь между следующими суждениями и их источниками: «бедность — это отсутствие денег», «бедность — это страх перед будущим» и значимостью информации о сокращении товарооборота со странами Зарубежья ($r=0.32$; $p=0.039$), ($r=0.36$; $p=0.018$); «бедность — это невозможность комфортно жить в обществе, нехватка общения» и информацией о том, что в стране растет безработица ($r=0.38$; $p=0.012$), «Россия вступила в ВТО» ($r=0.39$; $p=0.011$).

Обобщая вышеизложенное заметим, что не все ядерные элементы СП о бедности в данной группе конструируются с опорой на информацию о происходящих в стране экономических и политических явлениях и событиях. И, наоборот, не любая информация о происходящих социально-экономических явлениях в стране влияет на значимость тех или иных элементов представлений о бедности в обыденном сознании неработающих пенсионеров. Также заметим, что только один центральный элемент СП из трех, которые отличают представления о бедности в группе неработающих пенсионеров от аналогичных представлений в группе работающих, конструируется в процессе обсуждения событий и экономических процессов в обществе.

Анализ корреляций между суждениями о бедности и оценками макроэкономических явлений в группе *работающих пенсионеров* показал, что большая часть ядерных элементов СП о бедности не связана с информацией о макроэкономических явлениях и событиях в жизни страны. Только два суждения, а именно «бедность — не порок» ($r=0.39$; $p=0.008$) и «бедность — это положение, в которое попадает человек из-за неблагоприятной ситуации» ($r=0.36$; $p=0.016$), коррелируют со значимостью информации о росте ставок на кредиты в банках. Последнее суждение дополнительно образует связи с информацией о вступлении России в ВТО ($r=0.35$; $p=0.019$) и о сокращении товарооборота со странами Ближнего и Дальнего зарубежья ($r=0.33$; $p=0.030$).

Сопоставляя полученные связи в двух группах, можно сделать вывод о том, что в группе работающих пенсионеров зависимость исследуемых представлений от значимости информации о макроэкономических явлениях и событиях в стране существенно ниже, чем в группе неработающих. Иными словами, несмотря на частичное сходство изучаемых представлений, источники их конструирования у людей с разным уровнем трудовой активности на этапе посттрудоустройства экономической социализации, различаются. Тем самым можно утверждать, что основная гипотеза доказана.

Внутренние факторы социальных представлений о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров

В качестве внутренних факторов конструирования СП о бедности рассматривались ЦО личности респондентов. Опережая последующий анализ, заметим, что структура ЦО личности в двух группах отличалась (табл. 2) по ряду показателей. Как и следовало ожидать, базовые ценности совпадали в обеих группах пенсионеров. Речь идет о здоровье (1 ранг), счастливой семейной жизни (2 ранг) и наличии друзей (3 ранг). Это ценности личной жизни и они достаточно устойчивы по отношению к внешним условиям, в том числе, воздействию макросоциальной среды, что совпадает с данными других исследователей [8].

Таблица 2. Различия в иерархической структуре ценностных ориентаций личности работающих и неработающих пенсионеров

группа/ЦО	Активная, деятельная жизнь	Здоровье	Интересная работа	Красота природы и искусства	Любовь	Материально обеспеченная жизнь	Наличие хороших и верных друзей	Уверенность в себе	Познание	Свобода и независимость в поступках и действиях	Счастливая семейная жизнь	Творчество
Работающие	9	1	4	8	5	12	3	11	6	10	2	7
Неработающие	10	1	7	5	4	9	3	12	8	6	2	11

Выраженность ориентаций респондентов на ценности интересной работы, материально обеспеченной жизни, творчества, свободы и др. значимо различают ценностные структуры у представителей двух групп. Если работающие пенсионеры, по сравнению с неработающими, более высоко оценивают интересную работу, познание, творчество, то неработающие считают более значимыми ориентации на эстетические ценности, материально обеспеченную жизнь, свободу и независимость в поступках и действиях.

Анализ связей ЦО и элементов ядра исследованных представлений о бедности показал, что в группе *неработающих пенсионеров* только два суждения образовали выше упомянутые связи. Так, суждение «бедность — это невозможность купить, заплатить за все, что нужно» коррелировало с ценностью интересной работы ($r=0.47$; $p=0.002$), а суждение «бедность — это отсутствие собственной жилплощади, квартиры» было связано с ценностью материально обеспеченной жизни ($r=0.31$; $p=0.046$). Причем в обоих случаях связи были прямо пропорциональные: чем выше респонденты оценивали ценность интересной работы, тем чаще они соглашались с тем, что бедность связана с ограничением удовлетворения материальных потребностей. Второй элемент ядра (отсутствие собственной жилплощади) отличал СП о бедности в группе неработающих пенсионеров от аналогичных представлений в группе работающих. Данный элемент не был связан с информацией о макроэкономических явлениях и событиях в стране. Однако, чем выше оценивали респонденты этой группы материальные ценности, тем более значимым для них показателем (следствием) бедности становился факт отсутствия собственной жилплощади. То есть, в сознании неработающих пожилых людей ценностный контроль за конструированием ядерного компонента представлений о бедности был минимальным. Напомним, что в этой группе респондентов более важным фактором конструирования представлений о бедности явилась информация о макроэкономических явлениях и событиях в стране, которая образовывала большее число связей с элементами ядра СП, чем в группе работающих пенсионеров.

Следуя разрабатываемому нами ценностному подходу в изучении ЭСЛ [4], заметим, что двойная корреляция элементов изучаемых представлений (т. е. с ЦО и с информацией о макроэкономических явлениях) позволяет рассмотреть механизм «ценностной фильтрации» информации, связанной с экономической политикой ценообразования в стране, присвоение / отвержение которой заметно определяет содержание представлений. Действительно,

данная информация доминирует как в СМИ, так и в общественном дискурсе. Опираясь на нее, респонденты конструируют представление о том, что *«бедность — это невозможность купить, заплатить за все, что нужно»*. Данное суждение (см. табл. 1) имеет самый высокий коэффициент значимости в сознании неработающих пенсионеров и больше других опирается на информацию об изменениях в экономике. В данном случае, присвоение этой информации, поступающей из общественного дискурса, контролируется в сознании респондентов ориентацией на ценность интересной работы.

Аналогичный анализ связей ЦО и элементов ядра СП о бедности во второй группе (*«работающие пенсионеры»*) показал следующее. Число достоверных связей в данной группе существенно выше. Так, суждение *«бедность — это не порок»* коррелирует с ценностью наличия хороших и верных друзей ($r=0.31$; $p=0.046$) и счастливой семейной жизнью ($r=0.31$; $p=0.041$); утверждение *«бедность — это страх перед будущим»* — с ориентацией на ценность активной деятельности жизни ($r=0.34$; $p=0.024$). Суждение о том, что *«бедность — это унижение»* (оно различает представления о бедности в двух группах) связано с ценностью активной деятельности жизни ($r=0.35$; $p=0.019$) и ценностью «наличие хороших и верных друзей» ($r=0.37$; $p=0.014$). Наконец, еще одно суждение, различающее представления в двух группах (оно включено в ядро СП только в сознании работающих пенсионеров), — *«бедность — это положение, в которое попадает человек из-за неблагоприятной ситуации»*, коррелирует с ориентацией на ценность творчества ($r=0.35$; $p=0.019$). Напомним, что в данной группе была выявлена связь с информацией об изменениях в области экономики только у двух упомянутых элементов ядра (суждений). Таким образом, можно предположить, что конструирование специфичных представлений о бедности в группе работающих пенсионеров, происходит с опорой на информацию, обсуждаемую в обществе, при непосредственном внутреннем контроле со стороны системы ценностей.

Заключение

Изменения в жизни человека, в том числе связанные с завершением им трудовой деятельности, в первую очередь, отражаются на его экономическом и профессиональном сознании, самосознании и поведении [13]. Проведенное исследование показало, что в группах работающих и неработающих пенсионеров адаптация к изменившимся условиям жизни, отличается как на уровне

представлений о бедности, так и на уровне ценностной системы. Так, работающие пожилые люди фиксируют внимание на *ситуационной атрибуции бедности*, считая бедность унижением для человека, которое он должен терпеть и преодолевать, что косвенно указывает на их мотивацию продолжения трудовой деятельности. Приоритеты работающих пенсионеров отражены и в *ценностной структуре*. Данные респонденты выше, чем неработающие, оценивают интересную работу, познание и творчество.

Неработающие пенсионеры в большей степени фиксированы на последствиях бедности: нет квартиры, есть проблемы с общением, нет возможности вести здоровый образ жизни. По сравнению с работающими, они более высоко оценивают ориентации на материальные ценности, свободу и независимость, что согласуется с их пониманием бедности как ограничения возможности удовлетворения материальных и социальных потребностей человека.

Обнаружено, что психологические механизмы посттрудовой экономической социализации личности также различаются в зависимости от трудовой активности респондентов. Неработающие пенсионеры, конструируя представления о бедности, больше, чем работающие, доверяют информации, поступающей из СМИ или общественного дискурса; их ценностный контроль в процессе принятия этой информации существенно снижен. Работающие же респонденты, меньше доверяют информации о макроэкономических изменениях и событиях как источнику своих представлений о бедности, у них активизируется «ценностный» контроль поступающей извне информации.

Литература:

1. *Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
2. *Вушкан А. В.* Статистическое моделирование выбора и длительности трудовой деятельности после выхода на пенсию: Дис. ... канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
3. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
4. *Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
5. *Емельянова Т. П.* Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.

6. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные исторические периоды развития российского общества: сравнительный анализ // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.
7. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Экономическая социализация формирующейся личности: теоретическая модель и экспериментальное исследование (на примере ценностных ориентаций личности) // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 59–81.
8. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
9. Ломов Б.Ф. Психическая регуляция деятельности: избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
10. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
11. Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
12. Пащенко-де Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е. Социальные представления об ответственности у молодежи России и Франции: кросскультурный анализ // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 87–98.
13. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
14. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
15. Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
16. Семенова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социс, 2008. № 8. С. 49–55.
17. Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999.
18. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
19. Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
20. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
21. Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во: «Институт психологии РАН», 2009.
22. Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
23. Щербakov И. М. Посттрудова социализация пожилых людей в современной России: Дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2006.
24. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.